Завет великих евразийцев и будущее народов Евразии. К столетию со дня рождения Л.Н.Гумилева (X.1912 – X.2012 гг.) Петко Ганчев

ЗАВЕТ ВЕЛИКИХ “ЕВРАЗИЙЦЕВ” И БУДУЩЕЕ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ.

К столетию со дня рождения Л.Н.Гумилева (X.1912 – X.2012 гг.)

Проф., доктор философских и политологических наук Петко Ганчев – посол,

Председатель Геополитического центра Евразия, София.

– В: IX Евразийский научный форум "Наследие Л.Н. Гумилева и современная евразийская интеграция", 10–11 октября 2012, Астана, Казахстан, 441–449

Если для нынешных “евразийцев” и исследователей проблемы “Евразии” известно понятие “Евразия” и термин “великие евразийцы”, то для широкого круга читателей нужны некоторые объяснения.

Первые “евразийцы” и среди них те, которые вполне заслужено получили титул “великих”, начали свой путь от Болгарии - Софии 90 лет тому назад в августе-октябре 1921 года, когда они сборником “Исход к Востоку” и Манифестом обьявили создание Союза “Евразия”. Это были русские офицеры-интеллектуалы, в основном дворянского происхождения, разгромленной “Белой армии”. Эти первые начинатели были: князь Николай Трубецкой, Петр Савицкий, Петр Сувчинский и Георгий Флеровский. Впоследствии к ним присоединились сын великого русского ученого Владимира Вернадского Георгий Вернадский, В. Ильин, Л.В. Карсавин, Н.П. Никитин и другие. В следующих годах группа обосновалась в Праге, Париже, Берлине, продолжая развивать новые идеи, которые сразу были отмечены как “евразийские”. Орган“евразийцев” был сборник “Евразийский временник” и газета “Евразия”. Идейно группа была связана до середины 30-тых годов XX века. Именно тогда “евразийские идеи” подхватил сын великой поэтесы России Анны Ахматовой и великого поэта Николая Гумилева Лев Николаевич Гумилев. За это, будучи еще студентом, он поплатился 14-тилетней каторгой в Сталинском ГУЛАГЕ. Но именно он с середины 50-х годах развернул, углубил и обогатил новыми понятиями идеи первых “евразийцев”- князя Николая Трубецкого, Петра Савицкого и Георгия Вернадского. Именно Лев Гумилев гениальным образом утвердил эти идеи еще в советское время во множестве трудов и вызвал мощное движение последователей не только в России, но и на всем постсоветском пространстве, **но конечно и критикой со сторонам приверженцев старых “европо- и западноцентриских”, марксистких, националистических и т.д. взгядов**. Гумилеввызвал ….движение последователей….. пространстве, **и, конечно, критику со стороны приверженцев старых “европо- и западноцентриских”, марксистких, националистических и т.д. взглядов**. Именно это четвёрку по оригинальности идей и глубине их обоснования я и называю “великими евразийцами”.

Имя свое, как писал Петр Савицкий, они получили из-за своих утверждений, что наряду с формально географическими названиями континентов “Европа”, “Азия” и “Африка” можно и нужно говорить и о континенте “Евразия”, если подойти к этому вопросу не только географически, а комплексно, с точки зрения климата, ландшафта, истории и культуры народов, населяющих эти пространства. Именно такой комплексный, системный, диалектический подход показывает, что Европа является только так называемой Западной Европой. Восточная Европа, начиная с Карпат развертывается с запада на восток огромными полосами лесов и степей, прорезаемые могучими реками аж до Тихого океана на восток; на север она окаймляется тундрой и тайгой Сибири, а на юг развертывается в Туркестанскую равнину, и все это упирается в пустыни Гоби и Бет Даг, в высокие массивы Тянь Шаня, Памира, Гиндикуша и Кавказа. На этих пространствах жили испокон веков сотни этносов, ведя кочевой образ жизни и образуя в одних или других эпохах в силу своей пасионарности разные государственные объединения и империи. Отличаясь своей географической спецификой и своей собственной историей, это пространство было частью единого мира. “Связывающая и обьединяющая роль “срединного мира”- писал П. Савицкий в “Геополитических основах еварзийства”, - сказывалась и на истории. В течение ряда тысячалетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв все пространство от пределов

Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с передней Азией, Ираном и Индией, кочевники служили посредниками между разрозненными в своем исходном состоянии мирами оседлых культур. Взаимодействия между Ираном и Китаем никогда в истории не были столь тесными, как в эпоху монгольского владычества (XIII-XIV вв.). А за тринадцать-четырнадцать веков перед тем исключительно и только в кочевом евразийском мире пересекались лучи эллинской и китайской культур, как это показали новейшие раскопки в Монголии." [П. Савицкий, Геополитические основы евразийства //Классика геополитики XX века. М., 2003, с. 679].

И все-таки, в силу своей специфичности и относительной обособленности, это пространство жило своей историей и делало свою культуру, соприкасаясь и сталкиваясь в разных эпохах с азиатскими цивилизациями Китая, Индии и Ирана, с Римской империей и Западной Европой, но не становясь ни одной из них. Не прав британский геополитик Хилфорд Макиндер, когда в 1904 году утверждал перед Британским королевским обществом в своем докладе "Географическая ось истории", что в этих пространствах, названых им "хартленд", не происходило ничего исторического, и что вся история происходила в Западной Европе. Наоборот, именно этими пространствами шли волны т.наз. варварских народов, которые в разные исторические эпохи разгромили Китайскую империю, овладели Индией, переходя через Иран достигли Африки на юге, а на Западе разгромили Римскую империю, и на ее развалинах в симбиозах и синтезах с местными этносами установили новые европейские государства. Именно из "евразийских" пространств шли мощные "пасионарные толчки", по выражению Л. Гумилева, таких этносов, как гунны, тюрки, монголы, которые увлекали за собой десятки других народов и побуждали их к самостоятельной государственной жизни. Перед вызовами, которые рождали мощные экспансии "варваров" – монголов, османских турок и др., - окрепла Габсбургская австрийская империя, и родилась новая Московская и Великая Россия. И именно респект перед этими пространствами и "варварскими" народами толкнули западноевропейцев к тому, чтобы они пошли через Атлантический океан на Запад и открыли и овладели "Новым светом" – Америкой, и обходя Африку достигли сказочных миров Индии и Китая.

Хотя они и были представителями разных наук и в своих работах анализировали некоторые аспекты поднятых им проблем России и вообще народов Евразии, "евразийцы" следовали и применяли интердисциплинарный, комплексный, системый, диалектический подход. Они применяли такой подход далеко до представителей французских "Анналов". Часть сущности этого подхода выразил самый выдающий среди них - Фернан Бродел. "Моя концепция истории", писал он – "которую я применяю в отношении Франции, представляет собой концепцию глобальной истории, т.е. истории, которая наполнена всеми науками о человеке. Речь идет не только о том, чтобы выбрать одну из них и увенчаться с ней, но главным образом от том, чтобы жить в состоянии конкубината со всеми науками о человеке". [F. Braudel, L'identite de la France, P., 1986; Une Leson d'histoire de Fernan Braudel. Chateauvallon, 18-19 octobre 1985, P., 1986, p. 162-163].

Но, исходя не только из точки зрения "глобальной истории", но и из глобальной эволюции на Земле, начиная с возникновения этносов и народов в передцивилизационной и цивилизационной эпохе, реализации их образов жизни и становления в истории различных культур и государств, и рассматривая все это в единстве географии, климата, ландшафта, языка, культуры, политики, истории и т. д., великие "евразийцы" применяли и давали науке свой глобальный подход к философии истории. Сам Л.Н. Гумилев многократно называл в духе времени и общественной моды свой подход просто "диалектическим". Но он не просто диалектический. Этот подход я назвал в своих работах, вдохновленный идеями евразийцев, глобальным плюралистическим диалектическим монизмом, что можно рассматривать и как глобальный монистический диалектический плюрализм. Это значит, что когда мы хотим исследовать какую-нибудь проблему человеческой культуры и истории, надо иметь в виду воздействие всех геосфер - геопространства, климата, ландшафта, биосферы, всех человеческие и социальных факторов, и не на последнем месте воздействие Солнца и окружающего Космоса , которые действуют, взаимодействуют, выводя в одном или другом моменте времени один или другой фактор впереди, который и приводит в движение всю систему. Здесь такие понятия, как материалистический или идеалистический, ни к чему потому, что это могут быть как природные – геологические, биосферные или космические факторы, так и социальные – экономические, политические, религиозные или просто идейные. Одним словом, именно евразийцы дали идеи и подготовили основу для создания новой Философии человеческой истории. В этом отношении, как писал Петр Савицкий в статье "Евразийство": "Евразийцы, в целом ряде идей, являются продолжателями мощной традиции руского философского и историософского мышления". [П. Савицкий, Евразийство, Евразийский временник, книга четвертая, Берлинъ, 1925 , с. 8–9]. Оценивая их вклад с точки зрения современности, они не только логически завершали развитие русской традиции в понимании Философии истории, но и выдвигали ее на новом мировом уровне.

Этот применяемый иманентно подход позволил евразийцам выдвинуть свой категорический отход от "европоцентризма" и, наряду с утверждением о специфической географии, истории и культуры Евразии, утвердить многообразие, многовариантность человеческой культуры и истории. Но если это так, то логически следовало, что народы, создавшие свои культуры и цивилизации в различных пространствах Земли, под воздействием разных факторов вполне закономерно строили не только свой быт, выбирали одну или другую религию, которая формировала дух их культур, но и выбирали свое экономическое и политическое обустройство. Конечно, они взаимодействовали в одной или

другой степени между собой в пространстве, но всегда осознано или инстинктивно следовали логике своей собственной идентичности. Это значит, что те народы, которые по одним или другим причинам теряли свой “Путь”, т.е. отказывались от своей культурной идентичности , приспосабливаясь к другим народам - временным победителям, исчезали из истории. История полна таких примеров.

Но глобальный, системный, диалектический подход позволил великим евразийцам подойти к пониманию об ядерно-сателитном устройстве человеческих обществ на Земле. Т.е. есть мощные блоки – ядра со своей материально и духовно-культурной спецификой и сателиты , которые кружат возле этих ядер-блоков. Каждая такая система представляет особый цивилизационный ареал в системе общечеловеческой цивилизации и следует, кроме общих и своих специфических закономерностей развития. Этим своим взглядам великие евразийцы намного опередили представителей других народов и культур, и в первую очередь представителей западной общественой науки - т.наз. либералов, консерваторов, демократов и социалдемократов, но и националистов, нацистов и фашистов, и не на последнем месте марксистких коммунистов. В этом отношении всякая попытка унификации Ойкумены /”Известная земля”-гр./ под доминацией одной или другой цивилизации обречена на провал. Этот факт потверждают не только примеры неудачи всех попыток делать мировые империи, начиная с Александра Македонского, проходя через Рим, Арабский халифат, Монгольскую , Османскую и Британскую империи, и кончая современными попытками США в союзе с Западной Европой глобализировать мир в соответствии с своей неолиберальной идеологией и культурой. Живое тело цивилизации, основанное на многообразии, всегда отвергало такие попытки. Здесь действует принцип выживания потому, что всякая унификация означает гибель. Всегда после таких более или менее продолжительных попыток вставал вопрос перед народами - как идти дальше, чтобы сохраниться в будущем.

Широко известно время и дух эпохи, когда были выдвинуты евразийские идеи. Это была эпоха крушения одних принципов и идеалов общественного обустройства, и поиск новых в условиях наступления тоталитарных диктатур. И совершенно верно выдвигая идеи евразийства, евразийцы понимали всю ответственость перед историей , перед будущим. В “Поданстве идеи”, опубликованной в книге третьей “Евразийского временника” (Берлин 1923 г.), Петр Савицкий писал: “В обстановке, въ которуюмы попали, можеть быть плодотворнымъ только то историческое действие, которое… поддержит крыля огромной исторической идеи…Эта идея должна быть именно огромной, всесторонной и положительной; въ размахе и упоръ соравной и превосходящей историческую идею коммунизма… Если будеть идея, будуть и личности.” [Поданство идеи, Петр Савицкий, Евразийский временник, книга третья, Берлинъ, 1923, с. 9. Здесь и везде сохранена оригинальная орфография авторов – П.Г.] Выражая позиции и других евразийцев, П. Савицкий видел, что евразийская идея со своей “вселенкостью” должна подготовливать почву для своего применения, прикладничества.”…Без прикладничества, иной раз расчетливого и цепкого, в этом мире, увы, не осуществимо вселенское служение; чтобы дать, нужно собрать; без вселенкости прикладничество ведет к оскудению, потемнению, духовной смерти…Будем строить град земной, ибо Бог даровал нам просторы и материал, и мы должны его строить, но в душе своей будем носить Град Небесный.” [Поданство идеи, Евразийский временник, книга третья, с. 12–13]. Таким образом, выдвигая великую Евразийскую идею, Петр Савицкий, кн. Николай Трубецкой и другие в духе великих подвижников России-Евразии объявляли свой Завет своею нитью веры к будущим поколениям России- Евразии потому, что без нее “человечество непременно и скоро заблудится и сгинет в темном лабиринте...” [там же, с. 14] Через 70 лет это нить, эту веру выдвинет снова самый выдающийся ученик П.Савицкого и первых великих евразийцев - “последний евразиец”, как он сам себя называл, Лев Николаевич Гумилев. В одном из своих последних интервью он заявил: ”Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как Евразийская держава”. [Л.Н. Гумилев, Ритмы Евразии, Москва, 2007, с. 20].

Основания этого завета в основных принципах и идеях Евразийства.

Хотя много из основных принципов и идей евразийства сложились еще в 20-тые и 30-тые годы XX века в произведениях Петра Савицкого, Николая Трубецкого, Петра Сувчинского и Георгия Вернадского и других, но как целостная система евразийство оформилось в творчестве Льва Гумилева. Именно он разработал впервые три ключевых фактора, из которых сложилась история и культура народов России в частности и Евразии в общем. Это теория об этногенезе в биосферы Земли, теория о пасионарности, и, в единстве с другим, теория об исторической географии. Но эти т.наз. “частные” проблемы он разрабатывал в соответствии со своим системным диалектическим подходом. Таким образом, они становились элементами глобальной Философии истории человечества. Это видно в высокой степени в работе “Древняя Русь и Великая степь”.

Отдавая дань т.наз. “академическим”, официальным взглядам советской этнографии, Л.Гумилев подчеркивал, что нельзя объяснить объективно вопрос об этносе без знания истории, исторической географии и культуры. Прослеживая разные примеры возникновения этносов в Европе, Азии, Евразии, Африки и Латинской Америки, Л.Гумилев показывал, что в одних случаях имело значение кровное родство, в других общий язык, в третьих общая религия, в четвертых определенная историческая ситуация и т.д., и т.д. Он подчеркивал на основе многих исторических примеров, что нельзя сравнивать ни антрпологические типы, ни расы с этносами. Этнос не просто биологическое, не просто социальное явление. Он как бы является результатом синтеза взаимодействия всех

биосферных и социо-культурных факторов в определенном пространстве на определеном этапе эволюции Homo sapiens'a . "Этнос, – пишет он, – по предложенному нами пониманию - коллектив особей, имеющий неповторимую внутренную структуру и оригинальный стереотип поведения, причем обе составляющие динамичны. Следовательно, этнос – это элементарное явление, не сводимое ни к социологическому, ни к биологическому, ни к географическому явлениям." [Лев Гумилев, Этногенез и биосфера Земли, М., 2003, с. 53] Рождение этноса – это рождение социального коллектива с определенным сознанием о своем единстве как единства субьекта с окружающей среды – природы, и как правило с одинаковым стереотипом поведения. "Этносы возникшие в одном регионе, в одну эпоху, а тем самым от одного импульса...- называются суперэтническими целостностями. Они часто образуют мозаику типов культур, политических образований. Каждый этнос в свою очередь включает в себя субэтносы, отличающиеся друг от друга иногда языком, иногда религией, иногда родом занятий, но всегда стереотипом поведения. Этносы – члены одного суперэтноса - не всегда похожи один на другой, но всегда ближе друг к другу, чем к этносам других суперэтносов, как по ментальности, так и по поведению." [Л.Н. Гумилев, Ритмы Евразии, с. 29]. С рождением этноса-этносов начинается история. До этого момента биологическая общность особей, выходящих из стада, структурировалась в первых социальных формах родов. Рождение этноса обьязательно покрыто туманом об его прародителе, не всегда это должен был быть тотем. Если, например, тюрки и их вождь Ашина были рождены волком с золотой головой, то болгары считают, что их легендарный прародитель Авитохол был вскормлен серной; известно, что римляне считаются наследниками братьев близнецов Ромула и Рема, вскормленых волчицей.

Переход универсальной эволюции в истории начинается с движения этносов как определенных субьектов происходящих событий. История Евразии становилась именно в соответствии с движением кочевников на этом пространстве. Эта история происходила в своих ритмах в зависимости пасионарности одних или других этносов и климатических перемен - засухи и сырости которые заставляли населявшую испокон веков степь этносы перемещаться к югу или к северу, или иногда, под нажимом китайцев или персов, двигаться к западу. Евразийцы стали первыми исследователями, которые освободились от предвзятых схем и подходов европоцентризма и, рассматривая Евразию как часть мирового пространства – географии и истории, в то же время акцентировали на специфику исторических процессов на этом пространстве. Они применяли аутентичный системный диалектический подход к анализу истории евразийских этносов и становление евразийских народов и государств от древности до наших дней. Это тоже часть их завета к ученым и исследователям национальных историй евразийских народов.

От исследований П.Н.Савицкого, Н.С. Трубецкого, В.П. Никитина, Г.В. Вернадского и от масштабных произведений Л.Н. Гумилева мы видим, что в пространствах Евразии прокатывались с глубокой древности далеко до н.э. мощные волны скифов, сарматов, эфталитов – европоидов из группы внешних иранцев; за ними следовали волны юэджи и сакков (протоболгар, а не славян - как толкуют этот народ многие российские историки – пр.м. П.Г.) тоже из внешних европоидных иранцев. Потом, в начале н.э, следовали волни гуннов, исходящих из северных и западных окраин Китая – монголоиды и европеиды. Именно гунны (хунны), образуя Гунский союз, увлекли за собой на Запад формировавшиеся новые этносы антов, ругов (руссов), гепидов, аланов (осетинов), готов, болгар и т.д. Гунны дали мощный пасионарный толчок этим этносам, и в следующих веках они будут заявлять о своей этнической идентичности в государственных образованиях. Распад Гунского союза после смерти Аттилы (453 г.) был продолжен новой волной монголоидных тюрков. Почти три века – от середины V-го до середины VII века на просторах Евразии доминировал Тюркский каганат. Он включал как монголоидные этносы, так и европеидные. Наверное, самыми мощными из тюркских этносов после распавшегося Тюркского каганата были авари и хазары, чьи государственные образования просуществовали до середины IX и середины X века, когда первые были разгромлены в Панонии - Карлом Великим и болгарским каном Крумом, а вторые – киевским князем Святославом Игоревичем. Была короткая передышка в продолжении нескольких веков, когда на этих пространствах доминировала Киевская Русь , Хазария и Волжская Булгария. Вслед за тем, в начале XIII века на пространствах Евразии нагрянула волна-цунами монголов Чингисхана. Как известно, монголы под предводительством Чингисхана, его сыновья и внуки впервые овладели всем пространством Евразии и быстро расправились с теми государственными структурами, которые доминировали над долинами великих рек Евразии, но не над великой степью. Они показали, что ключ к господству над пространством Евразии заложен в господстве над степью. Монголы не только овладели пространством Евразии, но и соединили его с пространствами старых цивилизаций - Китаем, Индией и Ираном, дойдя аж до Египта на юге и Венгрии, Адриатики и Польши на западе ,создав таким образом самую большую империю на суше. Но это был последний великий взрыв экспансии на просторах Евразии. После нескольких веков последовал упадок и постепенный восход руских. За несколько веков с XV-го по XIX-й Россия овладела этим пространством, и с некоторыми условностями можно было говорить, что Российская империя = Евразия.

Что двигало, что приводило в таком мощное движение этносы и суперэтносы, что они в критической исторической ситуации не погибали, а в исключительном порыве побеждали намного превосходящих их противников и доминировали веками? Как показывает Л.Гумилев, все монголы, которых привел в движение-экспансию Темучин (Чингисхан) в 1206 году, не насчитывали больше чем 600 000 особей - мужчин, детей, жен, стариков, из которых не больше 60-80 тысяч составляли

армию, и которая овладела пространством, на котором проживали самое малое 25 милионнов человек! Мы можем добавить здесь в пример португальцев, которые в начале XVI века овладели Индией, большей частью Южной Америки и всей Центральной Африкой, насчитывающими 1 400 000 особей!

В “Этногенезе и биосфере Земли” Л.Гумилев дал развернутый ответ на этот вопрос. Это “пассионарность” этноса. Но что такое пассионарность? Исходя из выводов комплекса наук ,которые рассматривают процесс этногенеза и истории как продолжение и качественно новую форму биоэволюции Homo sapiens’а, Л.Гумилев писал, что это представляет своеобразный “фактор иксъ”, который выражается в трансформации инстинкта самосохранения в “жертвенность, простирающуюся даже на собственное потомство, чего не наблюдается ни у одного из видов животных... Следовательно, интересующий нас “фактор иксъ” проецируется в сферу человеческой психики.” / Л.Гумилев, Этногенез и биосфера Земли, с. 258/ Если анализировать все факторы происхождения различных этносов, говорит Л. Гумилев, то мы найдем тот общий закономерно проявляющийся как причина фактор подьема, который он назвал “фактор иксъ” или просто “пассионарность” – биэнергетический и биопсихический синтез, который происходит в данном этносе в данном конкретном ландшафте и в данном конкретном историческом моменте. Понимание этого фактора обьясняет нам единство этнологического ,географического и исторического фактора. Он отмечает также причины подьема, достижения акматической фазы и упадка данного этноса. [Там же, с. 265]. “Пусковой” механизм, который приводит в движение экспансию, взрыв данного этноса - это идея, идея победить даже и через смерть. Пассионарный толчок как сгусток космической и биопсихической энергии в сознании некоторых особей или группы людей всегда вызывает напряжение. Основывая свой анализ на идее Биосферы и Ноосферы Вл.Вернадского, а также на идее Ал. Чижевского о роли Космоса и особенно влияния Солнца на Биосферу Земли и, конечно, на людей, Л. Гумилев подчеркивает, что этот пассионарный толчок происходит там и тогда, когда возникает угроза гибели данного этноса, и когда находится в тот момент личность и группа людей, которые выдвигают нужную идею об единстве и борьбе. Вся история человечества полна таких примеров. В работе “Древняя Русь и Великая степь” Л. Гумилев приводит моральный кодекс армии Чингисхана, который был тем идейно-психическим фактором, который вызвал и поддержал пассионарный толчок монголов в их невероятном подьеме и экспансии. [См. Л.Н. Гумилев, Древняя Русь и Великая степь, с. 538–539]. Я бы добавил здесь пример болгарского Апостола Свободы Василия Левского, который подготовил БРЦК и начал создавать комитеты для освобождения болгар от турок. Девять лет он, рискуя своей жизнью, подготавливал почву, и даже после его смерти пассионарный подьем продолжал заряжать новых и новых революционеров. После освобождения Болгарии в 1878 г. пассионарность овладела широкими народными массами, что проявилось в невероятном героизме на Шипке в 1877 г. и в Балканской войне против Османской Турции в 1912-1913 гг.

Как писал Л.Н.Гумилев, фаза подъема всегда продолжалась акматической фазы, т.е. пассионарность овладевала множество людей,а иногда и дружественными этносами. Именно тогда происходили крупные исторические события – победоносные войны, революции, выживание в условиях крупных природных и общественных катаклизмах. Но, потом следовала фаза надлома. Это происходило всегда, когда в пассионарным подьемом этнос переоценивал свои силы и брался за непосильные для него задачи. Надлом означал начало кризиса и скатывание к гибели. Эта фаза обскурации означала полную замену пассионарий субпассионариями - людьми без воли, обладаюшими эгоизмом и страхом. Это закономерно приводило или к гибели данного этноса до полного исчезновения с подмосток истории, или к вегетации и приспособлении перед новыми господами мира, или просто завоевателями из других этносов. [См. Л.Н. Гумилев, Этногенез и биосфера Земли, с. 296]. Еще пример из болгарской истории. Во времена болгарского царя Симеона I Великого (893-927 гг.) он много раз побеждал знаменитых византийских императоров – Льва Исавра и других, которые с огромными армиями по тем временам – в 60 тысяч человек - не могли устоять перед мощным пассионарным нажимом болгаров, хотя они и уступали им численностью. Но через 40 лет после смерти царя Симеона, его сын Петр I не смог противостоять 10 тысячной армии византийца Йоана Цимисхия, которая в 971 году овладела Восточной Болгарией. А это были те же болгары, но уже не было у них никакой пассионарности...

Таким образом, мы видим, что все волны пассионарных этносов, которые обрушивались на пространства Евразии, постепенно утихали под воздействием процессов надлома. Закономерно субпассионарность происходила потому, что вчерашные “герои” начинали жить мирной оседлой жизнью, группы пассионариев уменьшались, особи данного этноса рассеивались на чужих пространствах, происходила закономерная дисперсия, ослабление силы. Одно дело, когда наносишь удары кулаком, другое, когда пальцы расстопырены во все стороны. В этих условиях не только потеря вождя, как произошло с гуннам после смерти Аттилы, но и потеря смысла единства, выраженная в потере какой-нибудь идеи вчерашних единомышлеников-пассионариев, сказывалась смертельно для этноса. Хотя, все эти волны начинались, как подьем небольшой группы пассионариев из данного этноса, они разрастались, увлекая в акматическую фазу разнородные элементы. Так было с гуннами, так было с тюрками, так было с монголами. После надлома в фазе субпассионарности очень часто вчерашние союзники становились врагами и обращали свое оружие и свои силы против гегемона. Так, готы разгромили гуннов в 455 году на р. Сава и передали византийскому императору голову сына Атиллы Денгизиха, а болгары в следующем 456 году разгромли на Волге гунское племя акациров.

Но именно гунны /хунны/ по существу были первыми начинателями государственного структурирования пространства Евразия, овладевая степью от границы северного Китая до Волги и Дона, как ключа к господству над этим огромным пространством. Иемнно они увлекли в свой порыв угрофинские народы Западной Сибири и начала Урала, восточных славян-антов и персидских племен готтов, аланов, болгаров. После распада Гунского союза и империи, и дисперсии гуннов, прежние союзники начали свою самостоятельную историческую жизнь. Эти этносы окончательно созрели для самостоятельного государственного строительства после распада обеих Тюрских каганатов. Именно тогда появились Великая Болгария на Кавказе, Киевская Русь на Днепре, Хазария на Итиле (устье Волги) в Каспии, Волжская и Дунайская Болгария, Венгрия (Мадьяраг) и т.д.

Фаза надлома и начало субпассионарности монгольского этноса XIV –XV в. укрепли взаимодействующие с Золотой ордой Новгородскую, Владимирскую и Московскую Русь. Распад Синей орды сопровождался пассионарным подъемом кипчаков (казахов), половцев, узбеков и киргизов, которые начали свою государственную жизнь. [Мы не будем вспоминать все этносы, которые рождались на пространствах Евразии, боролись, теряли свою независимость или ассимилировались с другими более мощными этносами,что приводило к уплотнению этнического субстрата Евразии потому, что это уже сделано евразийцами и, прежде всего, великим Л.Н. Гумилевым вработе “Древняя Русь и Великая степь”, “Ритмы Евразии” и других его книгах о гуннах, хазарах, тюркутов и т.д. – пр. м. П.Г.].

Следовательно, именно движение этносов гегемонов в пространствах других этносов и постепенный пассионарный подъем подчиненным этносом сопровождался культурным и этническим синтезом. Рождались новые материальные и духовные культуры, которые формировали уже устойчивую культурную идентичность данных народов. Это означает, что взаимодействие сказывалось не только на быте, на формах и элементах духовной культуры, но и на политике, на государственности и на религии. Рядом с культурным синтезом шел интесивный процесс этнического синтеза. Некоторые народы исчезали со сцены истории,но зато рождался новый этнический субстрат, который наследовал антропологические и рассовые черты различных этносов, живших веками в симбиозе. Это в свою очередь влекло за собой рождение нового психического стереотипа, нового менталитета и характера новых суперэтносов.

Как это происходило мы можем вкратце показать на примере анализа евразийцев отношений между восточным славянами - русскими и туранцами.

Соверешенно верно Н.С. Трубецкой подчеркивает, что “распространение русских на Восток было связано с обрусением целого ряда туранских племен, сожительство руских с туранцами проходит красной нитью через всю русскую историю.” [кн. Н. Трубецкой, О туранском элементе в русской культуре, в “Евразийском временнике”, кн. Четвертая, Берлинъ 1925, с. 351]. Но неправильно он сводит т.наз. туранские народы только к уралоалтайским народам. Этот взгляд дополняет позиция В.П. Никитина в статье “Иран, Туран и Россия”, опубликованной в книге пятой «Евразийского временника», Париж 1927 г. Поэтому, наш анализ основывается на более полном представлении евразийцев о т.наз. “туранских” народах.

Под именем “туранских” или “уралоалтайских народов” Н. Трубецкой приводил следующие пять групп:

а/ угрофинские/западные финны – эсты, карели, собствено финны; лопари, пермские финны, мордва, черемисы, угры, мадьяры, меря, мурома, мещеря и т.д. древние племена/.

б/ самоеды, делившиеся на несколько племенных групп, сохранившиеся только в Архангельской области и западной Сибири.

в/ тюрки, к которым принадлежат турки-османы, разные татары - крымские, казанские, тобольские и др.; балкарцы/карачаевцы, башкиры, киргизы, туркмены, узбеки, алтайцы, чуваши, половцы/кипчаки, уйгуры и т.д., целый ряд исчезнувших сегодня племен.

г/ монголы, к которым принадлежат монголы в России, буряты и калмыки.

д/ манджуры, к которым принадлежат тунгусы, эвенки и другие маленькие народы. [Н. Трубецкой, О туранском элементе в русской культуре, в Евразийский временник, кн. Четвертая, Берлинъ, 1925, с. 351–353].

В наши дни Л.Н. Гумилев уточнил этническую принадлежность некоторых, указанных Н. Трубецким, народов, как например то, что туркмены, по существу, не тюрки, а внешние персы, как

и аланы/осетины/, чуваши, наследники древних болгар - “внешние персы”, балкарцы/болгары и др.

К группе туранских народов В.П. Никитин приводит т.наз. “внешних иранцев” – юэджей, саков /от которых в последствии самоопределились болгары/, эфталитов. К ним, вероятно, нужно прибавить предков нынешных таджиков.. К группе настоящих, “внутренных иранцев” В.П. Никитин приводит персов, мидийцев, армян и др., с которыми, впрочем, русские, как и другие народы, тоже взаимодействовали в веках своей истории. [См. В.П. Никитин, Иран, Туран и Россия, Евразийский временник, кн. Пятая, Париж, 1927, с. 76-81 и сл.]. Одним словом, к группе “туранских народов” мы можем причислить все народы, представлявшие как монголоидные и тюркские народы, так и народы из европоидной группы ирано-индийских ариев, кроме славян, которые проходили или жили и живут и сейчас в пространствах Евразии, и не принадлежали к китайцам, индийцам и иранцам, хотя и взаимодействали иногда в отдельных эпохах с ними как этнический субстрат, и как культура в ее целостном понимании.

Духовный облик туранца, хотя к этому типу евразийцы, а вслед за ними и мы причисляем разные народы, жившие в разных эпохах, отличен от духовного облика восточных славян – русских, и в то же время в нем много общих черт. Если туранец прям, его позиция всегда ясна, он действует по заранее заданным правилам, то у славян, и конкретно у русских, все более сложно; там много колебаний, много скруполёзных сомнений, там всегда нужно делать выбор. У туранца все линии, как в восприятии мира, так и в его отображении, ясно очерчены, узоры здесь незатейливые, смысл открыт в самом символе. У русских славян восприятие мира слишком эмоциональное, линии запутанные, футуристические, всегда приходится искать смысл разных символов. Общее у них - это восприятие пространства, слияние с пространством. Никто не может сравнивать широту духа у русских и у туранцев, воспитанную веками в общении со степью. Это сказалось и на языке, и на духовной культуре, и, в частности, на поэзии и фольклоре. У них тот же патриотизм - категорический, не рассудочный, он выше всего, всегда Родина прежде всего. И в этом он качественно отличается от патриотизма немцев, иранцев, евреев и др. Но, взаимодействуя во времени и пространстве веками и в мирной жизни, и во времена монгольского ига, во времена Российской империи и Советского союза, русские и туранцы учились друг у друга, обогащали свой психический строй и стереотип, создавали по существу новый суперэтнос евразийца. Как это получалось, в частности, в отношении русских славян рассказывает Л.Гумилев в своем пространном интервью в конце своей жизни /1992 г/ “Под сенью русского креста”. Он, говоря о драме русского православия в годы Монгольского ига, рассказывает, что когда хан Узбек - главный хан Монгольской Золотой орды, - в 1313 году принимает ислам, большие массы монголо-татар бежали в русские земли. “Они бежали на Русь. Тут их принимали. И с удовольствием. Единственное ограничение, которое им твердо ставилось: чтобы язычник был крещен или крестился тот час же – иначе поп не венчал. И масса христиан и язычников, готовых принять православие /только б не ислам!/, бежали на Русь.

И вот здесь-то и началось то смешение татарщины со славянством, которое мы называем “игом”...

А кто же, вообще-то говоря, отатарил славян? Женихи и невесты. Невест брали в орде, женихи сами приезжали в Ростов /больше всего именно в Ростов/, и там крестились, и те, и другие.

И не бунчук монгольский, а нательный крест сделал бывшую славянскую и уже вырождавшуюся в силу пассионарного спада страну новой страной, русско-татарской, с православным исповеданием.” [Л.Н.Гумилев, Ритмы Евразии, М., 2007, с. 160].

Более обобщающего взгляда на этнический субстрат России- Евразии мы находим в программном документе евразийцев “Евразийство”, с главным автором П.Савицким. “По крови и этническому типу нам ближе болгары, чем сербы, и сами мы, т.е. господствующие наши народности, этнологически относимся к славянам с большой натяжкой. Надо осознать факт, что мы не славяне и не туранцы /хотя в ряду наших биологических предков есть и те, и другие/, а – русские. Этнологически сопоставляя народности, населяющие территорию России, мы можем построить некоторый ряд, в середине которого окажутся великороссы, и между двумя последовательными членами которого переход будет неуловим. Мы должны констатировать особый этнический тип, на периферии сближающийся как с азиатскими, так и с европейскими, в частности, представителями, конечно, более всего славянскими, но отличающимися от них резче, чем отличаются друг от друга отдельные, “соседние” в нашем ряду представители. Этническое единство русской территории становится еще очевиднее, когда мы сосредоточиваемся на формах быта, на основных тенденциях народного искусства и особенно на типичном психическом укладе /менталитете- пр.м. П.Г./” [Евразийство. – П. Савицкий, Континент Евразия, М., 1997, с. 39] .

И эта особенность определенно сказалась на государственности и на религии, на отношении к другим народам и конфессиям.

“Положительная сторона туранской психики несомненно сыграла благотворную роль и в русской

истории – писал еще в 20-тые годы Н. Трубецкой. Беспрекословное подчинение есть основа туранской государственности, но оно идет, как и все в туранском мышлении, последовательно, до конца, и распространяется на самого верховного правителя, который непременно мыслится, как беспрекословно подчиненный какому-нибудь высшему принципу, являющемуся в то же время руководящей основой жизни каждого подданного.” [кн. Н.Трубецкой, О туранском элементе в русской культуре, в Евразийскрм временнике, кн. Четвертая, Берлинъ, 1925, с. 370-371].

Последная эпоха, когда волна монгольцев угасала и монгольский этнос растворился среди других этносов Евразии, и остатки его вернулись в монгольские степи, была в то же время эпохой восхода восточных славян - русских, которые уже основательно впитали в себя антропологические, этно-психические и этно-культурные элементы туранских народов, живших в разных эпохах на пространствах Евразии. Об этой эпохе восхода Московского царства, России, Российской империи, а потом Советского союза достаточно писали евразийцы. И хотя они были русскими, они, в то же время, рассматривали Россию именно как Евразию, а в себе несли “евразийский национализм”, как писал П. Савицкий. И поэтому, в нашем дальнейшем анализе будет идти речь, прежде всего, о том общем, что сложилось в материальной и духовной культуре евразийских народов не только в монгольской, но и в Российско-имперской и Советской эпохах, и до наших дней.

Факт, что российская государственность сложилась под влиянием уроков, которые дали монгольцы русским. То, что различало Русскую империю от Монгольской, как писал Н.Трубецкой, “это православие и византийские традиции” [Н. Трубецкой, О туранском элементе в русской культуре, с. 373]. Это была основа, впитанная с христианской культурой, со славянским языком и письменостью, это был фактор Православия. Хотя все это было получено в предмонгольском периоде и в самой эпохе монгольского ига через посредство Дунайской Болгарии, как писали К. Леонтьев и особено ясно и категорично акад. Дм. Лихачев в “Раздумьях о России”, то оно уже не сохранило свой изначальный характер и тоже в своем роде “отуранилось”. Так или иначе, в этих традициях - в Православии, - Россия получила тот могучий фактор, который организовал фаргмент огромного конгломерата русских и других народов Евразии в одном государстве, фактор, который создал единство этой несравнимой ни с какой другой государственной системой. Православие, и конкретно русское православие не следовало пути и методы Римско-католической церкви по отношению к другим народам – язычникам или просто иноверцам. Оно не принимало участие в никаких крестовых походах, не организовывало йезуитские и другие религиозные миссии для насильственного крещения. Ему не знакома инквизиция к инако и свободомысляшим. Оно было и остается слишком толерантно к другим взглядам, к атеизму и другим верам – исламу, буддизму, католицизму, протестанству.

По существу, как писал один из великих русских философов “Серебрянного века” Н. Бердяев, русский коммунизм-большевизм, названный потом марксизмом-ленинизмом, не был ни чем иным, как перевернатной формой христианской религии о воцарении божественного рая на Земле в бесклассовом обществе, основанном на принципе социальной справедливости. [См. Николай Бердяев, Истоки и смысл русского коммунизма, Париж, 1955]. Самы евразийцы в своей идейной платформе писали: ”Коммунизм, который представляет собой самый зрелый плод всего материалистического миросозерцания и самое последовательное развитие материалистического социализма, есть вера.” [Евразийство. – П.Савицкий, Континент Евразия, М., 1997, с. 23]. Но как интернационализм русский комунизм, который был осью идеологии Советского союза, не только проповедовал толерантность среди всех народов населявших эту страну, но и среди всех других народов в их борьбе против капитализмоа и империализма. Это была своеобразная идеология тотолитарного государственного устройства, которая, все-таки, сумела постичь много в экономическом и духовно-культурном развитии, создать блестящую литературу и другие формы искусства не только русского народа, но и среди других народов, некоторые из которых в эпоху царской Русской империи еще пребывали в условиях родового и феодального строя.. [См. Петко Ганчев, Съветският съюз...//Философска мисъл, 1987, кн. 10].

Еще в 20-тые и 30-тые годы XX века, выдвигая Евразийскую идею, “великие евразийцы”, с которыми принял эстафету и оформил систему Евразийства на основе огромного научного и политического опыта за прошедшие десетилетия Л.Н. Гумилев, всегда смотрели в будущее. Они были уверены, что будущее России-Евразии в применении того великого опыта прошлого строительства государства на основе специфической государствено-частной экономики, возможной в пространствах Континента - Океана Евразия, в котором главной идеологией должна была быть религия. Потому, что именно религия строит общественные отношения на принципе “Соборности”- Единстве симфонических личностей- от отдельного человека до разных форм гражданских и государственных организаций и институтов. [См. Н. Трубецкой, Взгляд на русскую историю не с Запада , а с Востока, в “Класика геополитики XX века “, М., 2003, с. 223-225]. Таким образом, мы видим, что Основа создана Эволюцией и Историей. Нужно действовать...

Евразийцы и особенно те великие из них, которые отдали все свои духовные силы служению Евразийской идее и предвосхитили в мировом историческом смысле будущее России-Евразии, не дожили до тех драматических перемен, которые переживает Россия и вся Евразия в современную глобальную эпоху. Только последний из них - Лев Николаевич Гумилев, - видел начало и сумел передать нам свою веру, что Россия может быть спасена только как “евразийская держава”. Я разделяю эту веру!

Ясно всем свободным и непредвзято думающим людям, что будущее России и всех других народов Центральной Азии и Восточной Европы на восток от Балтики и Черного моря в строительстве нового ЕвраАзийского союза. И для нашего удовлетворения и надежды мы видим, что в этих новых условиях, перед новыми глобальными вызовами и угрозами некоторые из лидеров бывших республик Советского союза, прежде всего России, Беларуси и Казахстана , предприняли энергичные шаги воссоздать на основе новых принципов единство народов великой державы. Так был подписан договор о создании Союзного государства между самыми близкими республиками бывшего СССР – Россией и Беларусью /1993, 1996 гг./, была создана Организация Договора о колективной безопасности /ОДКБ/, и наконец, в 2000 г. по идее президента Казахстана Нурсултана Назырбаева было создано ЕвраАзийское Экономическое Содружество

/ЕврАзЭС/. Сооснователями стали Казахстан, Россия, Киргызстан, Таджикистан, Беларусь. Наблюдателями являются Армения и Молдова. До этого времени каждая из этих стран прошла в различной степени путь демократизации и установления рыночного хозяйства. Нет никакого сомнения, что все эти народы бывшего Советского союза чувствовали негативные последствия разорванного целого. В различной степени это чувствовали и понимали лидеры этих стран. И в этом отношением создание ЕврАзС было единственно правильным решением. Принятое Постановление Межпарламентской Ассамблеи Евразийского Экономического Сообщества 22 марта 2002 году о Проекте Договора о Статуте Основ законодательства Евразийского Экономического Сообщества, Порядок их разработки, принятия и реализации, как и сам Договор, в котором были вписаны принципы, на основе которых должно строиться в дальнейшем это Сообщество, было очень важным шагом к востановлению в новой современной демократической форме Единства народов Евразии. К сожалению, за последовавшие годы, кроме Таможенного договора и некоторых соглашений в сфере энергетики и инноваций, не было сделано много.

Но так или иначе, ЕврАзЭС является той структурой, которая может стать основой для дальнейшей интеграции народов и стран Евразии, включая в себя все, что сделано позитивно в других направлениях и структурах интеграции. В этом отношении Союзное государство /Россия-Беларусь/, Организация договора о колективной безопасности /ОДКБ/, Таможенный союз являются тремя опорными столбами, на которых может развернуться еще интенсивнее интеграционный процесс как важное условие модернизации в системе государственного управления и всей системы общественных отношений народов Евразии.

Строясь на основе принципов свободы, демократии, сохранения суверенитета и равенства между странами и народами Евразии, которые будут присоединяться к этому Союзу и, стратегически обьединяя их экономики, энергетики, системы безопасности ,коммуникации и культуры ЕврАзС /ЕАС/, превратиться в мощного глобального игрока и фактор для решения множества глобальных проблем, таких, как борьба с терроризмом, бедностью, преступностью и загрязнением окружающей среды и переменой климата на Земле. Это в свою очередь будет содействовать укреплению государственности в этих странах. Я убежден, что ЕС, занятый освоением своего пространства и строительством новых институций, будет приветствовать создание этого Союза, так как он обеспечит безопасность этого пространства и будет важным звеном в Единстве Мира между Западом и Востоком. Это будет в интересах всего человечества. Конечно, будут и противники, которые рассматривают глобализацию и интеграцию только с точки зрения своих эгоистических интересов. Но их время уходит.

Дальнейшее строительство ЕврАзС народами России и другими народами Евразии в соответствии со своими традициями, природной и культурной спецификой и идентичностью, должно в то же время учитывать апробированные образцы институтов и принципов, созданных ЕС. Это значит, что надо во-первых, создать Совет ЕврАзС, Парламент ЕврАзС, Суд, Комиссию, Банк, организовать единную систему безопасности и т.д. Это нужно делать шаг за шагом. В этом отношении ЕврАС может быть не только хорошим учеником, но и сам в состоянии выдвинуть инициативы, которые выведут его в группу лидеров современного мира. Народы Евразии ждут и готовы идти к своему общему будущему. Они чувствуют потребность эпохи. Это должны понять их политики.

29. 07. 2012 г. г. София